

...И СНОВА БРЕХТ

«Мещанская свадьба» Б. Брехта — второй спектакль Дюссельдорфского театра в Тбилиси

ТБИЛИСЦЫ хорошо знакомы с драматургией Брехта в самом разнообразном сценическом прочтении.

Новая встреча с Брехтом произошла на спектакле Дюссельдорфского театра по пьесе раннего Брехта «Мещанская свадьба». На небольшой сцене, втиснутой квадратом в зрительный зал театра имени Ш. Руставели, обстановка скромной квартиры, заставлен-

ной новой самодельной мебелью — гордостью молодоженов. Праздничный стол, всюду чистота, порядок... Настораживает лишь ящик с инструментами, возвышающийся на шкафу. К чему он — чтобы напомнить о столярных пристрастиях хозяина дома — жениха?

Но вот гости рассаживаются вокруг стола. Мы видим свадьбу, но какую-то бесшумную, будничную, «деловую». Мать жениха вносит все новые и

новые блюда, убираются грязные тарелки, разливается вино, звучит песня, которую некому подхватить (у них нет общей песни!), гости танцуют скорее по необходимости (так надо!), чем по желанию. Каждый из присутствующих старается блеснуть своим талантом рассказчика, оратора, музыканта, но не рождается ощущение исключительности момента для вступающих в брак молодых людей.

Годящиеся радость, веселье, счастье — обычные спутники свадьбы — здесь отсутствуют. Потому что здесь все ложно и ненадежно, как и мебель, которая поминутно разваливается. Вступает в действие ящик с инструментами, но равновесие уже не восстановимо. Состояние мебели символизируется с шаткостью и уродством всего мира мещанства, нарисованного режиссером Михаэлем Грунером с таким обличительным подтекстом.

Герои пьесы, именуемые автором по степени родства или знакомства с молодоженами, кажутся случайным собранием людей.

А ведь все стараются казаться добропорядочными, достойными уважения людьми. Но стоит им соприкоснуться, пококетничать «искренностью», «прямотошеством», как раскрывается ужасающая картина деградации человеческого достоинства и духовных ценностей. Искренность их оборачивается ханжеством, а прямотошество — цинизмом. Словом, и гости и хозяйка — достойные партнеры.

Пир мещан достигает кульминации с момента робкого, с точки зрения позднего Брехта, зонга Друга Жениха — самого

ироничного по отношению к своим собратиям по духовному миру (Нильс Хансен). Проходит целая цепь обоюдных саморазоблачений, наступает хаос, который заканчивается разездом гостей, уже потерявших всякий интерес друг к другу.

Все короли оказались голыми и вместе с ними Жених и Невеста, которые должны строить свою последующую жизнь, продолжить род человеческого. К концу свадьбы они кажутся чужими, несовместимыми индивидами. Но примирение их все же как будто состоялось. Теперь их союз будет называться «семьей».

В ролях Жениха и Невесты мы видели прекрасный дуэт Петера Зимониса и Шарлотты Шваб, такой возвышенно-прекрасный в «Копарстве и любви» в ролях Фердинанда и Луизы и остро обличительный в «Мещанской свадьбе».

Именно обличительная направленность спектакля сделала далеко не лучшую пьесу Брехта значительным, гражданским произведением. Вся сила спектакля — в исполнении актеров, которых режиссер сделал своими основными посредниками в контакте со зрителем. Все характеры взрываются изнутри, и нарастание этих взрывов — лучшая аттестация режиссеру и актерам.

«Мещанская свадьба» — поистине брехтовский спектакль по мысли и силе обличения.

Важна БРЕГАДЗЕ,
театровед.

На снимке: сцена из спектакля «Мещанская свадьба» Б. Брехта.

Фото М. Квирикашвили.